

# СИСТЕМНЫМ КУРЬЕР 4

**ЗАДАНИЕ**  
ДОСТАВЬ ПОСЫЛКУ  
В СРОК  
**10/10**  
ОСТАЛОСЬ ВРЕМЕНИ  
**00:20**

**МАРШРУТ**  
650 М

СЕРГЕЙ РЕАЛОВ

# Сергей Реалов

## Системный курьер - 4

*<https://litres.ru/74380354>*

*SelfPub; 2026*

### Аннотация

Кирилл Воронов, создатель крупнейшей службы доставки, погибает от отравленного заказа — и просыпается в теле девятнадцатилетнего курьера Льва. Вместо пентхауса — разгромленная квартира, долги и опасные собутыльники. Вместо власти — старый велосипед, больное тело и приложение собственной компании, которое теперь диктует сроки ему.

Таинственная система обещает награды за выполненные задания, но чудес не дарит: каждый рубль, маршрут и союзника приходится добывать трудом. Используя опыт бизнесмена, Кирилл начинает строить жизнь заново — с первой доставки, первого клиента и первого честного договора.

Это история второго шанса, бизнеса снизу и настоящей человеческой логистики. Но кто убил его, почему выбрали именно Льва и можно ли вернуться к дочери?

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава                             | 4  |
| Глава 1                           | 5  |
| Глава 2                           | 16 |
| Глава 3                           | 27 |
| Глава 4                           | 38 |
| Глава 5                           | 49 |
| Г                                 | 59 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 60 |

# **Системный курьер - 4**

## **Глава**

**Курьер с Рублевки**

**Том 4**

# Глава 1



Я проснулся сам и по непривычной тишине понял: воскресенье, будильник не прозвенит. Несколько секунд лежал неподвижно, прислушиваясь уже не к телефону, а к себе.

«С чего сегодня начнём?» — подумал я и, ещё не открыв глаз до конца, прошёлся вниманием сверху вниз, как по цеху перед утренней сменой.

Голени отозвались тяжестью — не той острой, что была в субботу утром после пятницы, а плотной, устоявшейся, буд-

то мышца всё ещё разбиралась с грузом трёх смен подряд и решила пока не спешить с ответом. Правая пятка под пластырем заявила о себе тупой пульсацией, стоило шевельнуть стопой. Кисти держали кулак не идеально — я сжал и разжал пальцы несколько раз, чувствуя лёгкую скованность в суставах, будто их только что вынули из холодильника. Плечо простило вчерашний груз почти полностью, подвижность вернулась.

Я сел на край матраса, упёрся ладонями в колени и проверил, насколько легче стало после восьми часов сна. Тяжесть отступила, но не настолько, чтобы сегодня гнаться за временем.

Я поднялся и сделал растяжку. На голених задержался дольше обычного: мышца отпускала накопленное напряжение медленно. Закончив, я вслух назначил предел нагрузки: — До магазина едем спокойно. Если кроссовки подходят — берём. После каждого адреса заново решаем, продолжать ли. В понедельник мне нужны рабочие ноги.

После овсянки и воды я достал тетрадь. Вчерашняя последняя строка стояла ровно там, где я её оставил: шестнадцать тысяч сто восемьдесят восемь рублей общей кассы, внутри неё тысяча двести бытового резерва.

Я провёл пальцем по цифре. Кроссовки, если подойдут, оплачу из свободной части; возможную работу Оксаны до её звонка в расчёт не беру.

У переднего колеса я качнул раму, прокрутил педаль и

услышал ровный ход цепи. Затем вывел велосипед во двор, пристегнул пустой термобокс на случай звонка Оксаны и покати́л к Ленинскому проспекту, не наращивая темп.

На дорогу ушло чуть больше получаса: первые километры я ехал медленно, проверяя пятку на педали, и только потом прибавил. Утренний город был почти пуст — редкие прохожие с собаками, дворники в оранжевых жилетах и автобус без пассажиров.

Спортивный магазин занимал угловое помещение в цокольном этаже длинного жилого дома — стеклянная витрина с манекенами в беговой форме, яркая вывеска с названием сети, автоматические двери, за которыми уже горел свет, хотя часы на моём телефоне показывали без семи минут десять.

Я пристегнул велосипед к стойке, снял термобокс и остался ждать у дверей. За стеклом молодой парень в форменной футболке катил тележку с коробками к дальнему стеллажу.

В десять двери разъехались. В лицо ударили запахи новой резины, свежей ткани и холодного пластика.

— Доброе утро, — парень оставил тележку и повернулся ко мне. — Что подобрать?

— Доброе, — сказал я, оглядывая ряды стеллажей с обувью, уходящие в глубину зала. — Кроссовки. Не для спорта, для работы — я курьер, много хожу и стою, нужна пара для долгой ходьбы по городу, с нормальной фиксацией стопы.

— Тогда вам туда, — он махнул рукой в сторону среднего

ряды, отставляя тележку у кассы. — Меня Дима зовут, я сегодня один в зале до одиннадцати, потом сменщица подойдёт. Пойдёмте, покажу, у нас неплохой выбор именно под ходьбу, не под бег.

Я пошёл за ним между стеллажами. На третьем шаге взгляд сам сместился вправо, к среднему ярусу коробок: нужное направление я узнал раньше, чем успел его обосновать.

Дима остановился у длинного стеллажа, где коробки стояли в три яруса, и снял с края соседнюю модель.

— Эту часто берут люди, которые весь день на ногах, — он нажал большим пальцем на пяточную чашу, показывая её жёсткость. — Чуть дешевле, колодка обычная. Но если вам нужна широкая посадка и поддержка свода, я бы смотрел на «Скетчерс Арч Фит».

Среди десятка серых коробок на средней полке одна была перечёркнута узким янтарным отблеском. Дима смотрел сквозь него на этикетки, не замечая отметки.

— Покажите, пожалуйста, эту. Можно сначала взглянуть на этикетку?

Дима снял коробку с полки и повернул этикеткой ко мне, не открывая крышку.

— «Скетчерс Арч Фит», графитовый цвет, размер сорок третий, — он повернул этикетку ко мне. — Новая серийная пара, последняя такая в этом размере на полке. Цена четыре тысячи семьсот девяносто рублей. Это именно модель для

долгой ходьбы: широкая передняя часть и поддержка свода. Соседнюю я вам уже показал, но для вашей нагрузки эта интереснее.

— Всё совпадает, — я сверил название, цвет, размер и цену со вчерашними данными. Янтарная отметка осталась над этой коробкой. — Теперь можно открыть? Я осмотрю обе.

Дима снял крышку, раздвинул упаковочную бумагу и поставил обе графитовые кроссовки на скамью. До примерки я взял сначала левую, потом правую: сжал пятку, проверил, одинаково ли держат обе чаши, провёл пальцами по внутренним швам от носка к заднику и осмотрел строчку по краю подошвы. Затем согнул каждую в месте естественного переката стопы. Подошвы уступили у носка и вернулись в прежнее положение; в середине они оставались плотными, а края не отходили от верха.

— Обычно левую смотрят внимательно, а правую сразу надевают, — заметил Дима, следя за моими руками. — Потом дома находят разницу в швах.

— Носить придётся обе, — я поставил кроссовки рядом и сравнил высоту задников. — Брака не вижу. Теперь примерю.

Я вернул кроссовки на скамью: швы и подошвы целы, оставалось проверить посадку под весом.

Дима подвинул коробку сорок третьего размера к низкой скамье у примерочной зоны.

— Присаживайтесь, — сказал он, доставая пару из коробки и ставя её передо мной на пол. — Носки у вас с собой обычные, не эти тонкие модельные? Я всегда советую мерить в рабочих носках, а не в тех, что человек надел утром просто так, — иначе размер обманывает.

— На мне сегодня как раз обычные хлопковые, в которых я хожу на смену, — сказал я, садясь и разуваясь.

Я снял старые кроссовки — те самые, что достались мне вместе с этим телом и с первого дня новой жизни служили без единой замены, — и поставил их рядом на пол. Подошва слева была стёрта неровно, с явным перекосом наружу, а верх у мизинца лопнул по шву настолько, что сквозь дыру просвечивал носок.

— Да, — сказал Дима, коротко взглянув на них, без насмешки, скорее с профессиональным сочувствием сапожника, увидевшего разбитую подошву. — Вот эти уже своё отходили, я гляжу. Вовремя вы к нам зашли.

Я надел новую пару, зашнуровал, встал и сделал несколько шагов по проходу между стеллажами, чувствуя, как стопа укладывается внутрь непривычно плотно, без того люфта, к которому я уже успел притерпеться в старых.

— Пятка не гуляет, — сказал я вслух, останавливаясь и покачиваясь с носка на пятку. — В старых при таком движении был заметный сдвиг назад, здесь стопа держится на месте.

— Это как раз усиленная чаша, о которой я говорил, —

сказал Дима, наблюдая за мной от кассы. — А в носке не жмёт? Разомните пальцы, встаньте на цыпочки.

Я встал на цыпочки, задержался на несколько секунд, ощущая, как вес переходит на переднюю часть стопы равномерно, без сосредоточенного давления в одной точке.

— Не жмёт, — я пошевелил пальцами, затем поднялся на носки ещё раз. — Передняя часть свободная, шов не давит. Лестница в зале есть? Моя работа половину дня состоит из подъёмов без лифта.

— Есть, у нас подсобное помещение через ступеньки на антресоль, я разрешаю мерить там, многие курьеры так и делают, — Дима махнул рукой в сторону узкой лестницы у задней стены склада, отгороженной от торгового зала низкой перегородкой. — Только осторожно, перила там ещё не докрутили после ремонта, я лично держусь за стену.

Я подошёл к лестнице, поднялся на восемь ступеней вверх, чувствуя, как носок кроссовка при каждом шаге плотно облегает свод стопы, не проскальзывая внутри обуви, а затем спустился так же осторожно, наблюдая за собственным равновесием.

— Держит хорошо, — сказал я, вернувшись к Диме. — В старых на такой лестнице я бы чувствовал, как пятка приподнимается на каждом шаге, здесь этого нет.

— Значит, модель ваша, — сказал Дима, кивая с явным удовлетворением человека, чья рекомендация подтвердилась делом, а не осталась голословной. — Хотите, ещё

пройдитесь по наклонной площадке у входа, там небольшой пандус для колясок, тоже хороший тест на сцепление подошвы.

— Прежде чем решу, проверю пятку, — я снова сел и стянул правую кроссовку. — Она натёрта больше недели. Внутренний бортик не должен задевать пластырь после нескольких минут ходьбы.

— Разумно, у нас многие через это проходят, кто с натоптышами берёт обувь наугад, а потом возвращают через неделю с претензией, — сказал Дима, присаживаясь на корточки рядом и указывая пальцем на внутренний контур кроссовка. — Смотрите, здесь у этой модели задник с внутренней стороны ниже и мягче, чем у соседней пары. Пройдитесь минут пять по залу, а не тридцать секунд туда-обратно: так вы поймёте, цепляет ли край именно ваше больное место, когда нога разогреется.

Я снова обулся и прошёл несколько кругов между стеллажами, специально удлиняя маршрут, огибая манекены и стойки с формой, слушая не столько собственные мысли, сколько собственную пятку — знакомое место под пластырем молчало, не отзываясь ни трением, ни жжением, которое ещё вчера сопровождало каждый шаг по лестницам района.

— Пять минут прошло, пятка молчит, — сказал я, вернувшись к скамье. — Это уже не магазинная иллюзия удобства, а рабочая проверка.

— Правильно, — Дима поднялся и забрал со скамьи пу-

стую коробку. — Один велокурьер у нас тоже по десять минут ходит вокруг стеллажей. Сначала казалось странным, потом понял: лучше проверить здесь, чем неделю мучиться на сменах.

На пандусе я прошёл вверх и вниз, затем повторил спуск быстрее. Рифлёная подошва держала увереннее старой; на гладком линолеуме правая нога чуть подалась и остановилась прежде, чем я потерял равновесие.

Возвращаясь к кассе, я ещё раз поставил стопу на гладкий участок. Сцепление стало лучше, однако на мокром полу всё равно придётся сокращать шаг.

— Беру, — сказал я и поставил коробку на прилавок. — Пятку не трёт, на лестнице держит.

— Отлично, — сказал Дима, пробивая товар на кассе. — Гарантия у нас стандартная, четырнадцать дней на возврат при сохранении товарного вида и чека, плюс гарантия производителя на швы и подошву — год. Чек и гарантийный талон кладу вам прямо в коробку.

Я достал из внутреннего кармана деньги — ту самую наличность, что отсчитал ещё вчера вечером отдельно от бытового резерва, — и отсчитал ровно четыре тысячи семьсот девяносто рублей, пересчитав купюры дважды, прежде чем передать через прилавок.

Я положил последнюю купюру поверх остальных и передал Диме четыре тысячи семьсот девяносто рублей.

Дима принял деньги, пересчитал их со своей стороны и

закрыв кассовый ящик. Принтер выдал длинный чек. Затем он вписал в гарантийный талон дату, модель «Скетчерс Арч Фит», графитовый цвет, сорок третий размер и номер пары с коробки, поставил магазинную печать и вложил оба документа в бумажный конверт.

— Оплата четыре тысячи семьсот девяносто проведена, чек и гарантия здесь, коробка ваша, — Дима передал мне конверт и коробку через кассу. — Проверьте, что номер в талоне совпадает с этикеткой.

Я сопоставил номер в талоне с этикеткой — цифры совпали. Когда чек лёг под прозрачный край талона, янтарная отметка стянулась в тонкую линию, коснулась напечатанной суммы и исчезла. Покупка завершилась обычной передачей денег и товара; улучшилась только опора стопы, а усталость никуда не делась.

После физической оплаты в кассе осталось одиннадцать тысяч триста девяносто восемь рублей: шестнадцать тысяч сто восемьдесят восемь минус четыре тысячи семьсот девяносто. Бытовые тысяча двести по-прежнему лежали отдельным конвертом внутри этой суммы.

— Старые заберёте с собой или выбросить попросите? — спросил он, кивая на мою прежнюю пару, всё ещё стоявшую у скамьи.

— Заберу, — сказал я, поднимая старые кроссовки. — Для двора и ремонта подошвы ещё годятся. Там их и доношу.

— Редкий подход, — Дима протянул мне плотный пакет

для старой обуви, пока я оставался в новой паре. — У нас половина покупателей просит выбросить прямо у кассы, лишь бы не тащить домой.

— Я давно держусь правила: ничего не списывать, пока вещь годится хотя бы для грязной бытовой работы, — я убрал старые кроссовки в пакет подошвами друг к другу. — Во дворе и при ремонте красота от них не потребуется.

Из магазина я вышел в новой паре, с коробкой и документами под мышкой. На тротуаре прошёл до велосипеда и резко развернулся: пятка осталась на месте, пластырь не потянуло.

## Глава 2



«Пятка держится, подошва отвечает ровно, — отметил я у велосипеда. — Остальное покажет рабочий день, а не магазинный пандус».

Старые кроссовки я завязал в плотном пакете, убрал в фирменную коробку и поставил в пустой термобокс. Чек с гарантией спрятал во внутренний карман. Едва защёлкнул крышку, зазвонил телефон.

— Лев, ты где? — Оксана говорила на ходу; за её голосом

шумели машины. — У меня срочный заказ и свободных людей нет.

— На Ленинском, только что купил кроссовки, — сказал я, отходя в сторону от входа, чтобы не мешать редким покупателям. — Что случилось?

— Прости, что дёргаю в единственный твой выходной от контракта, — сказала Оксана, и я услышал в трубке шум улицы за её спиной, будто она звонила не из дома, а на бегу между своими делами. — Обычно я бы не стала трогать тебя в воскресенье после трёх смен подряд, ты это заслужил, но тут человек в панике, а больше некого поставить прямо сейчас.

— Сколько точек, где забирать и к какому часу? — я отошёл от входа, чтобы слышать её сквозь шум машин.

— Есть работа, если готов, — сказала Оксана. — Книжный магазин «Листок» на Малой Дмитровке, знаешь такой? Небольшой независимый, они три подарочных комплекта должны сегодня развезти адресатам, у каждого какое-то семейное событие вечером, а штатный курьер не вышел — заболел, как назло, прямо в воскресенье. Хозяин магазина мне позвонил напрямую, у него есть мой номер с прошлого раза, я пару их заказов уже закрывала. Оплата приличная, но это не благотворительность, это обычный оплаченный заказ.

Я перенёс вес на правую ногу, несколько раз сжал пальцы на руле и поднял руку до плеча. Пятка не резала, хват держался, плечо двигалось свободно.

— Сколько адресов и какой темп? — спросил я, доставая

тетрадь из кармана термобокса привычным движением.

— Три адреса, — сказала Оксана. — Оборот три тысячи, моя комиссия триста, тебе чистыми две семьсот. У них там срок жёсткий — к вечеру, но не прямо сейчас, время у тебя есть. Заедешь в магазин, хозяин сам всё объяснит.

— Еду, — сказал я, убирая телефон. — Малая Дмитровка, магазин «Листок». Записал.

Я сел на велосипед и записал время выезда. Новый заказ стоил двух тысяч семисот чистыми и мог привести постоянного клиента, но только при трёх аккуратных вручениях. После первого адреса снова проверю пятку и решу, брать ли следующие два без паузы.

Дорога до Малой Дмитровки заняла около сорока минут неторопливой езды — я специально держал темп ниже обычного, давая ногам время привыкнуть к новой обуви на реальном асфальте, а не только на магазинном линолеуме. Новые кроссовки вели себя иначе, чем я ожидал: подошва пружинила при каждом нажатии на педаль, но без той жёсткой отдачи, что была в старых, и я поймал себя на мысли, что впервые за три дня не чувствую под правой пяткой знакомого трения о пластырь при каждом обороте.

Книжный магазин «Листок» оказался узким, но глубоким помещением между кофейней и парикмахерской, с деревянной вывеской ручной работы и витриной, где были аккуратно выставлены новинки корешками наружу вперемешку с открытыми на середине страницами иллюстрированными из-

даниями. Я пристегнул велосипед к чугунной ограде палисадника перед домом и вошёл внутрь, услышав над дверью тихий звон колокольчика.

Внутри пахло бумагой, типографской краской и чем-то тёплым, деревянным — запах, который я не мог сразу опознать, пока не увидел за прилавком электрический чайник и жестяную банку с чаем, приоткрытую крышкой набок.

— Вы от Оксаны? — мужчина за прилавком поднял взгляд от блокнота и поправил очки на цепочке. Невысокий, лет пятидесяти, с аккуратной седой бородкой и вязаным жилетом. — Курьер?

— Лев. Три комплекта по трём адресам, всё нужно вручить до вечера, верно?

— Игорь Аркадьевич, я здесь хозяин, — он протянул руку через прилавок для короткого рукопожатия, крепкого, сухого, с деловой прямоотой человека, привыкшего вести дела лично, а не через посредников. — Смотрите, у меня сегодня форс-мажор — Стёпа, мой обычный курьер, слёг с температурой прямо с утра, позвонил в панике, а у меня три комплекта, каждый под конкретное семейное событие сегодня вечером. Это не просто книги в пакете, это подарки, которые должны попасть в руки к точному часу, иначе смысл теряется.

— Прежде чем смотреть книги, освобожу для них чистый бокс, — я открыл крышку и вынул закрытую обувную коробку. — Внутри мои старые кроссовки в завязанном паке-

те. Оставьте коробку за прилавком до возвращения: грязную бытовую обувь рядом с подарочными изданиями я не повезу даже в двойной упаковке.

— Ставьте на нижнюю полку, там сухо и покупателей нет, — Игорь Аркадьевич отодвинул стопку каталогов и сам протёр дерево салфеткой. — Заберёте вместе с расчётом. Люблю людей, которые разделяют книги и подошвы до того, как приходится спасать первые от вторых.

Я поставил коробку на очищенное место, вернулся к термобоксу и провёл ладонью по пустому дну. Внутри остались только чистая обивка, крепёжные ремни и сухой карман для карточек. Теперь грузовое место действительно принадлежало книгам.

— Понимаю специфику, — я положил тетрадь на свободный край прилавка и снял колпачок с ручки. — Показывайте комплекты. Каждый хочу увидеть до упаковки и выезда.

Игорь Аркадьевич кивнул с явным одобрением и подошёл к невысокому столику у окна, где стояли три подготовленные стопки.

— Первый — детский подарок, — сказал он, беря в руки яркую, плотную коробку с иллюстрацией дракона на крышке. — Внутри полное собрание сказок с рисунками, для девочки, у неё сегодня день рождения, шесть лет исполняется. Заказывала бабушка, специально просила вложить открытку с личной надписью — вот она, я сам подписал по её тексту, диктовала по телефону вчера вечером, буква в букву.

Он протянул мне открытку — плотную, кремового цвета, с аккуратным, чуть старомодным почерком: «Дорогой Со-  
нечке от бабушки Иры с любовью, расти большая и читай  
много книжек».

— Второй, — Игорь Аркадьевич отложил детскую короб-  
ку и взял в руки более узкий, продолговатый свёрток в тём-  
ной обёрточной бумаге, перевязанный шнуром. — Коллек-  
ционное издание, альбом с репродукциями — заказчик со-  
бирает такие годами, для него это не подарок в обычном  
смысле, а вложение и предмет гордости. Угол корешка у аль-  
бома тяжёлый, твёрдый переплёт, если стукнуть об косяк  
двери — вмятина останется на всю жизнь книги, а такую  
книгу переиздают редко.

— Покажите, как упаковано, — сказал я, и он развернул  
край обёртки, обнажив уголок толстого, тиснёного переплё-  
та.

Я провёл пальцем по краю — угол торчал из-под бумаги  
острым ребром, ничем не защищённым, кроме одного слоя  
обёрточной бумаги.

Промятый уголок под пальцем не расправился. На лест-  
нице одного удара о дверную раму хватит, чтобы вмятина  
дошла до книги, — поверх мягкой прокладки нужен жёст-  
кий слой.

— Игорь Аркадьевич, здесь угол абсолютно не защищён,  
— сказал я, поднимая на него взгляд. — Один толчок в тес-  
ном подъезде, и переплёт получит вмятину. Мне нужен хотя

бы кусок картона под обёртку с этой стороны, иначе я не готов везти книгу в таком виде — не потому что мне сложно, а потому что она этого не переживёт.

Игорь Аркадьевич на секунду замер, будто оценивая, стоит ли спорить, а затем коротко кивнул, признавая правоту без лишних слов.

— Вы правы, чёрт, — сказал он, доставая из-под прилавка лист плотного картона и ножницы. — Стёпа обычно сам подкладывает, у него привычка, а я упаковывал сегодня сам второпях и упустил. Держите пока третий, я подрежу картон под угол.

Он протянул мне третий комплект — набор из трёх книг в тканевом мешке с завязками, судя по обложкам, современная проза для взрослого читателя.

— Третий — для читательницы, которая берёт у нас книги три года подряд, постоянная клиентка, — сказал он, не отрываясь от подрезки картона. — Сегодня у неё юбилей, тридцать пять лет, заказывала себе сама, но попросила доставить именно сегодня к вечеру, чтобы к приходу гостей комплект уже лежал дома на столике — она сама себе устраивает маленький книжный праздник, знаете, бывают такие люди.

Я развязал мешок, заглянул внутрь — три книги в мягких обложках, аккуратно переложенные тонкой бумагой, ничего хрупкого, обычный вес.

— Этот в порядке, — сказал я, снова затягивая завязки. — А что с адресами и временем? Мне нужен полный список:

имя, адрес, окно доставки, любые особые указания получателя.

Игорь Аркадьевич подрезал картон, вложил его под обёртку альбома аккуратным движением, разгладил бумагу поверх и передал мне уже полностью защищённый свёрток.

— Держите записанным, — сказал он, доставая из ящика прилавка листок с распечатанным списком. — Сонечка, шесть лет, улица Малая Бронная, дом двенадцать, квартира сорок, семья ждёт около четырёх часов дня, у них праздник начинается в пять, книга должна быть до начала. Второй — Виктор Павлович, коллекционер, Тверская-Ямская, дом семь, квартира двадцать два, ему без разницы точное время, но не позже семи вечера, он предупредил, что будет дома весь день. Третья — Марина Олеговна, юбилярша, Садовая-Триумфальная, дом пятнадцать, квартира три, ей нужно строго до шести, гости приходят в семь, она хочет, чтобы книги уже лежали на столе.

Я записал все три адреса в тетрадь, сверяя каждую цифру с листком Игоря Аркадьевича, тем же методом, каким записывал вчерашний районный реестр.

— Теперь про деньги, чтобы всё было понятно с самого начала, — сказал я, поднимая взгляд от тетради. — Мне передали через Оксану оборот три тысячи, её комиссия триста, мне чистыми две семьсот. Это верно?

— Верно, — сказал Игорь Аркадьевич, кивая. — Оборот — это оплата за доставку, не стоимость самих книг, те

уже оплачены заказчиками отдельно при заказе. Деньги за доставку я перевожу Оксане сразу после того, как ты вернёшь мне подписанные листы у всех трёх адресатов, она уже с тобой рассчитается сама.

— Годится, — сказал я, убирая тетрадь. — И последнее. маржа магазина в этих трёх комплектах для меня не имеет значения, я не собираюсь трогать упаковку сверх необходимого. Моя единственная забота — чтобы каждая книга дошла в том виде, в каком вы её мне вручили.

— Приятно слышать, — сказал Игорь Аркадьевич, впервые за разговор позволив себе короткую улыбку. — У меня был один курьер до Стёпы, так он комплекты в один рюкзак сваливал без разбора, я потом три недели с покупателями объяснялся из-за мятых углов. С тех пор я лично каждого нового курьера гоняю через этот разговор.

Я начал укладывать три комплекта в термобокс, отдельно друг от друга, детскую коробку — на дно, плашмя, альбом с защищённым углом — вертикально у стенки, где меньше вибрации, тканевый мешок — сверху, на самое мягкое место.

Прежде чем закрыть крышку, я в последний раз пересчитал список в тетради, сверяя имя за именем с тем, что лежало передо мной физически, — привычка, ставшая рефлексом за три предыдущих дня работы с чужими грузами.

— Сонечка — детская коробка, — сказал я вслух, поднимая крышку коробки и проверяя содержимое. — Открыт-

ка внутри, подписана бабушкой Ирой. Виктор Павлович — альбом, угол защищён картоном. Марина Олеговна — тканевый мешок с тремя книгами.

Я развязал тканевый мешок ещё раз, чтобы свериться с содержимым внимательнее, и в этот момент заметил то, что при первом беглом взгляде проскочило мимо внимания: приклеенная к мешку маленькая бумажная бирка с именем адресата гласила не «Марина Олеговна», а «Виктор Павлович» — та же бирка, что должна была висеть на свёртке с альбомом.

— Игорь Аркадьевич, — сказал я, поднимая взгляд от мешка, — здесь бирка перепутана. На тканевом мешке с тремя книгами стоит имя Виктора Павловича, хотя вы сами мне сказали, что это комплект для Марины Олеговны.

Игорь Аркадьевич быстро подошёл, взял мешок в руки, всмотрелся в бирку через очки, которые спешно снял с цепочки и надел на нос.

— Твою мать, — сказал он, не как ругательство, а как констатацию собственной ошибки. — Точно перепутано. Я вчера вечером клеил бирки в спешке, видимо, перепутал местами, когда отвлёкся на звонок. Подождите секунду, сверим весь список заново, пока не выехали, — если здесь ошибка, могла быть и другая.

Он развернул альбом в защищённой обёртке, заглянул под уголок картона, где виднелась приклеенная снизу бирка с надписью «Марина Олеговна».

— Вот и вторая половина той же путаницы, — сказал он, качая головой. — Альбом для коллекционера подписан именем юбилярши, а книги для юбилярши подписаны именем коллекционера. Хорошо, что вы заметили здесь, а не хозяин квартиры на пороге.

## Глава 3



— Это ровно то, ради чего я сверяю список перед выездом, а не по дороге, — сказал я, доставая из кармана ручку. — Давайте переклеим правильно и сверим весь комплект заново, от начала до конца, чтобы больше никаких сюрпризов не осталось.

Мы вместе отклеили обе перепутанные бирки — Игорь Аркадьевич снял их аккуратно, не порвав бумагу, — и написали новые от руки прямо на месте: «Виктор Павлович» на

свёрток с альбомом, «Марина Олеговна» на тканевый мешок с книгами.

— Теперь сверим детскую коробку в третий раз, раз уж мы взялись за ревизию, — сказал я, снова открывая коробку с драконом на крышке.

Игорь Аркадьевич проверил открытку, сверил текст с блокнотом, где у него было записано продиктованное бабушкой сообщение слово в слово.

— Здесь всё верно, — сказал он, закрывая коробку. — Слава богу, хоть эта не пострадала от моей вчерашней спешки.

— Теперь я готов ехать, — сказал я, укладывая все три исправленных комплекта обратно в термобокс в том же порядке. — Спасибо, что не стали спорить, а сразу взялись проверять весь список, а не только то место, где я ткнул пальцем.

— Вы первый курьер за долгое время, кто вообще заметил бы это до двери получателя, — сказал Игорь Аркадьевич, провожая меня к выходу. — Обычно я узнаю о таких вещах из недовольного звонка через час после доставки, а не до неё.

— Мне так спокойнее работать, — сказал я, поправляя ремень термобокса на плече. — Разбираться на месте, пока ещё есть время исправить, а не потом, когда исправлять уже нечем, кроме извинений.

Я вышел из магазина, сел на велосипед и, сверяясь с тетрадь, проложил маршрут в голове: сначала Малая Бронная, ближе всего и с самым ранним окном, затем Твер-

ская-Ямская, затем Садовая-Триумфальная — крюк получался небольшой, но логичный, если ехать по часовой стрелке через переулки, минуя пробки на широких проспектах в это время дня.

До Малой Бронной я доехал за пятнадцать минут. В узких переулках дважды сверился с записанным маршрутом: старые доходные дома и современные вставки сбивали ориентиры.

Дом двенадцать оказался высоким дореволюционным зданием с широкой аркой во двор, закрытой на этот раз кодовым замком с новой электронной панелью — судя по всему, недавно установленной, потому что рядом на стене ещё виднелись следы старой ржавой щеколды, снятой вместе с прежним замком.

Я нажал кнопку вызова квартиры сорок, набранную на панели, и подождал.

— Алло? — отозвался женский голос, судя по тону, взволнованный чем-то, не связанным напрямую со мной.

— Здравствуйте, я курьер из книжного магазина «Листок», привёз подарок для Сонечки от бабушки, — сказал я, стараясь говорить чётко в динамик, который слегка похрипывал от старости проводки за новым фасадом.

— Наконец-то, — выдохнула женщина. — Праздник перенесли с пяти на четыре, гости почти все приехали, а ребёнок каждые пять минут спрашивает про бабушкин подарок.

На часах было без четверти два; до перенесённого празд-

ника оставалось больше двух часов. Я отметил в тетради фактическое вручение, чтобы Игорь Аркадьевич видел запас по сроку.

— Открывайте, поднимаюсь, — сказал я, и электронный замок щёлкнул, впуская меня во двор.

Двор оказался тесным колодцем между четырьмя стенами доходного дома, с единственным подъездом в дальнем углу, куда я прошёл, толкая велосипед рядом, — оставлять его без присмотра в незнакомом дворе, пусть даже закрытом кодом, я не собирался, а пристегнуть было не к чему, кроме единственной водосточной трубы у самого подъезда.

Пристегнув раму к трубе, я снял термобокс и поднялся на третий этаж без лифта — старая лестница с высокими ступенями и широкими перилами хранила ту же затхлую прохладу, что бывает только в домах старше века.

Дверь квартиры сорок распахнулась почти сразу после звонка, и на пороге возникла молодая женщина лет тридцати в домашнем платье, с растрёпанными от суеты волосами, а из глубины квартиры доносился гул детских голосов и звук мультфильма на повышенной громкости.

— Наконец-то, — повторила она, отступая, чтобы впустить меня в узкую прихожую, увешанную гирляндой из воздушных шаров и цветной бумаги. — Простите за суету, у нас тут восемь детей плюс родители, все набежали разом, я уже забыла, где что лежит.

Я достал детскую коробку из термобокса и протянул ей

обеими руками.

— От бабушки Иры, с личной открыткой внутри, — я передал коробку матери только после того, как она взяла её обеими руками. — В магазине сверили и открытку, и текст.

В этот момент из глубины квартиры выбежала девочка лет шести в розовом платье с блёстками, остановилась на полушаге, увидев коробку с драконом в руках матери, и уставилась на неё широко раскрытыми глазами.

— Это мне? — спросила она звонким, требовательным детским голосом, подпрыгивая на месте.

— Это от бабушки Иры, Сонечка, — сказала мать, наклоняясь, чтобы показать коробку девочке поближе. — Скажи спасибо дяде курьеру, он привёз.

— Спасибо! — выпалила Сонечка, тут же переключая всё внимание на коробку и пытаясь дотянуться до крышки нетерпеливыми пальцами.

— Пожалуйста, — сказал я, чувствуя, как что-то тёплое и неожиданно простое поднимается внутри при виде этой абсолютно искренней детской радости, не отягощённой ни расчётом, ни притворством. — Там внутри целая книжка сказок с картинками и открытка от бабушки, специально для тебя написанная.

— А бабушка приедет? — спросила Сонечка, поднимая взгляд на мать, уже забыв про меня целиком.

— Приедет позже, у неё дела, но она тебя очень любит и хотела, чтобы подарок был у тебя вовремя, — сказала мать,

а затем повернулась ко мне, доставая из кармана платя телефон. — Мне нужно расписаться где-то или просто фото сделать?

— Распишитесь здесь, пожалуйста, — сказал я, доставая листок Игоря Аркадьевича и указывая на строку с именем Сонечки. — Просто подтверждение получения, для магазина.

Она расписалась, придерживая листок о косяк двери, пока девочка позади неё уже разрывала обёрточную бумагу коробки нетерпеливыми движениями, не дожидаясь никакого разрешения.

— Спасибо огромное, что успели, — сказала мать, возвращая мне ручку и листок. — Мы правда весь день на нервах из-за перенесённого времени, думала, всё сорвётся из-за такой мелочи.

— Это не мелочь, если речь о шестилетнем дне рождения, — сказал я, убирая листок в тетрадь. — Хорошего праздника вам всем.

В два часа я выехал со двора через арку. Подпись за первый комплект уже лежала в тетради; оставались два адреса.

Перенос праздника оправдал новый порядок адресов: по старому маршруту я приехал бы сюда, когда гости уже собирались. Я зачеркнул прежнее время в списке и рядом поставил фактическое.

К Тверской-Ямской я шёл вдоль загруженных проспектов и держался ближе к бордюру. Перед каждым торможением

заранее сбрасывал скорость, чтобы альбом с укреплённым углом не бился о стенку бокса. Путь занял около двадцати минут.

Дом семь оказался сталинской высоткой с массивным парадным подъездом, украшенным лепниной, и старым, но исправным домофоном без кодовой панели.

Я нажал кнопку квартиры двадцать два, и почти сразу мужской голос ответил коротким, деловым «слушаю».

— Здравствуйте, курьер из «Листка», привёз ваш заказ, — я приблизился к решётке домофона, чтобы старый микрофон не съел название магазина.

— Поднимайтесь, шестой этаж, — сказал голос, и дверь щёлкнула без дальнейших расспросов.

Лифт в подъезде оказался старым, но работающим — я решил не рисковать альбомом на тесной кабине с закрывающимися дверями и предпочёл подняться пешком, снова чувствуя, как новая обувь держит стопу на каждой ступени иначе, чем держали бы старые кроссовки, — без того ощущения приподнимающейся пятки, что подводило меня ещё вчера.

Дверь квартиры двадцать два открыл высокий худощавый мужчина лет шестидесяти с аккуратными седыми усами и очками в тонкой металлической оправе, одетый в домашний вязанный кардиган поверх рубашки, — вид человека, который проводит выходные дни за письменным столом, а не перед телевизором.

— Виктор Павлович? — спросил я, доставая свёрток из

термобокса.

— Он самый, — сказал мужчина, глядя на свёрток в моих руках с тем особым напряжённым вниманием, с каким смотрят на дорогую вещь, доверенную чужим рукам. — Как упаковано? Я слышал, у Игоря в последний раз кто-то из курьеров помял угол на похожем издании, с тех пор я всегда спрашиваю сразу.

— Угол защищён картоном, я лично проверил и настоял на этом в магазине перед выездом, — сказал я, протягивая свёрток и придерживая его снизу, чтобы вес не перегибал бумагу в незащищённом месте. — Хотите, разверну прямо здесь, чтобы вы убедились сами, прежде чем я уеду?

Виктор Павлович на секунду замялся, будто не ожидал такого прямого предложения.

— Да, пожалуй, разверните, — сказал он, отступая в сторону, чтобы впустить меня в прихожую, увешанную книжными полками от пола до потолка даже здесь, у самого входа. — Проходите, только на коврик, я щепетилен насчёт обуви в квартире.

У входа я вытер новые кроссовки о коврик, поставил термобокс на маленький столик и только там развернул обёртку.

Виктор Павлович склонился над альбомом, взял его в руки бережно, обеими ладонями, как берут не вещь, а живое существо, и внимательно осмотрел уголок переплёта, тот самый, что был защищён картоном.

— Ни единой вмятины, — сказал он с явным облегчением

в голосе, проводя пальцем по ребру переплёта. — Знаете, я собираю это издательство пятнадцать лет, у меня дома их полная линейка, и каждый новый том для меня не покупка, а событие. Прошлый раз курьер небрежно затолкал книгу в рюкзак вместе с чем-то ещё, и я до сих пор смотрю на тот угол с горечью.

— Поэтому картон появился ещё в магазине, — я поднял защитную накладку и показал, куда она принимала возможный удар. — Такой альбом нельзя везти по правилам пачки макарон.

— А вы сами читаете что-нибудь, или у вас работа не оставляет времени? — спросил Виктор Павлович, не отрывая взгляда от переплёта, будто вопрос был для него не светской вежливостью, а искренним любопытством человека, для которого чтение — единственная настоящая мера в разговоре с незнакомцем.

— Читаю урывками, вечером, когда тело уже отпускает после смены, — сказал я, глядя, как он аккуратно проводит пальцем по золотому тиснению на корешке. — В основном то, что помогает быстрее соображать по работе — логистика, управление людьми. На художественную прозу пока не хватает ни сил, ни вечеров подряд.

— Придёт время и на неё, — сказал Виктор Павлович, чуть улыбнувшись. — Я в вашем возрасте тоже читал только по делу, техническую литературу, думал, что художественное — трата времени, которую могу себе позволить только

на пенсии. А потом понял, что дело съедает ровно столько времени, сколько ты ему отдаёшь, и если не оставить странство для книги сейчас, оно не появится само собой позже.

— Постараюсь оставить ей место раньше пенсии, — сказал я.

— Вот и правильно, — Виктор Павлович отложил альбом на полку рядом с явным удовлетворением коллекционера. — Где мне расписаться?

Я протянул ему листок, он расписался тем же твёрдым, разборчивым почерком, каким, вероятно, подписывал каталожные карточки своей библиотеки десятилетиями.

— Хорошего вам дня, — сказал я, убирая листок обратно в тетрадь. — И берегите угол дальше сами — я свою часть сделал.

— Обязательно, — сказал он, провожая меня к двери с тенью улыбки под аккуратными усами. — Передайте Игорю, что этот курьер может приходить ко мне снова, если понадобится.

Я спустился по той же лестнице, вывел велосипед и взглянул на часы: без четверти три. До закрытия окна Марины Олеговны, установленного строго на шесть, оставалось больше трёх часов, и запас начинал казаться комфортным ровно до того момента, пока я не вспомнил слова Игоря Аркадьевича о её собственном желании устроить книжный праздник до прихода гостей.

Дорога до Садовой-Триумфальной должна была занять около пятнадцати минут по прямой, но, выехав на широкую магистраль, я увидел первые редкие капли на чёрной крышке термобокса. Небо, ещё утром чистое, стянулось плотной серой пеленой. В двадцати метрах темнел козырёк закрытой на воскресенье мастерской, и я успел закатить велосипед под него прежде, чем редкая дробь превратилась в дождь.

Груз уже лежал сухим внутри закрытого бокса; вынимать тканевый мешок наружу под воду было бы самым быстрым способом самому испортить то, что собирался защищать. Под козырьком я вытер ладони о штаны, открыл крышку и проверил сухое дно. Потом снял ещё сухую куртку, не дожидаясь, пока наружная ткань намокнет, и прямо внутри бокса обернул ею мешок Марины Олеговны. Один рукав прошёл под дном, второй лёг сверху, застёгнутый борт закрыл завязки; ни ткань мешка, ни книги не покидали сухого отсека. Я подоткнул капюшон сбоку, чтобы он не попал под уплотнитель, и плотно захлопнул крышку.

## Глава 4



— Теперь порядок правильный, — я дёрнул оба замка.  
— Сначала сухой груз получил второй сухой слой внутри, потом курьер имеет право промокнуть снаружи.

Я снова сел на велосипед и поехал, теперь уже прибавив темп настолько, насколько позволяло тело без риска сорвать дыхание, — дождь бил в лицо мелкими холодными иглами, но новая обувь держала педали уверенно, не позволяя ноге соскальзывать при более резких, чем обычно, нажатиях.

Без куртки холод добрался до плеч почти сразу. Футболка потемнела сначала на вороте, потом между лопатками; кожа на предплечьях покрылась мелкими пупырышками, а мышцы спины непроизвольно сжались. Дождь усиливался волнами: то мельчал до мороси, то обрушивался плотной стеной, размывая контуры встречных машин до серых пятен. На мокрой разметке я ставил ногу на педаль мягче и тормозил заранее. Новая подошва держалась увереннее старой, но один короткий боковой сдвиг на белой полосе ясно напомнил: осторожность всё ещё входит в комплект, а кроссовки продаются без отмены дождя.

«Тело, потерпи немного, — сказал я вслух, стуча зубами на очередном светофоре и глядя, как капли стекают по рулю на озябшие костяшки пальцев. — Это не третья смена через боль, это пятнадцать минут дискомфорта ради того, чтобы не подвести человека, который меня ещё даже не видел».

На светофоре у пересечения с Тверской я поймал себя на том, что рука непроизвольно потянулась растереть правое запястье — тот самый унаследованный жест, всплывавший обычно в сырую погоду, — и вместо того чтобы раздражаться на него, как раньше, я просто дал руке сделать своё дело, вернувшись вниманием к дороге сразу же, как поток машин тронулся.

Мимо, обгоняя меня по соседней полосе, проехала машина каршеринга, обдав волной воды из лужи почти до пояса, и я мысленно отметил, что термобокс на багажнике остался

выше уровня удара волны — маленькая, но реальная удача посреди уже испорченной погодой дороги.

К дому пятнадцать на Садовой-Триумфальной я подъехал промокшим насквозь, с волосами, прилипшими ко лбу, но термобокс внутри оставался сухим — я проверил это в первую очередь, откинув крышку прямо под навесом у подъезда, прежде чем нажимать домофон.

— Марина Олеговна, — сказал я в динамик, — курьер из «Листка», привёз ваш заказ.

— В такой дождь добрались! — в женском голосе послышалась улыбка. — Дверь открываю, поднимайтесь скорее.

Дверь щёлкнула, и я поднялся на второй этаж, где меня уже встречала женщина лет тридцати пяти в домашнем свитере, с распущенными тёмными волосами и добрым, живым лицом человека, ожидающего сегодня чего-то приятного.

— Господи, вы весь мокрый, — сказала она, оглядывая меня с искренним сочувствием. — Заходите скорее, я вам чаю налью, пока вы отдышитесь.

— Спасибо, но сначала закончим передачу, — я поставил бокс на сухой коврик в прихожей, вытер мокрые пальцы предложенным полотенцем и только тогда открыл крышку. Изнутри достал свёрток из собственной сухой куртки и осторожно развернул его. — Ваш заказ, три книги. Мешок всю дорогу был в закрытом боксе; куртку я добавил вторым сухим слоем ещё под козырьком, до того как сам выехал под дождь.

Марина Олеговна перевела взгляд с сухой куртки и такого же сухого мешка на мою мокрую футболку, прилипшую к плечам.

— Вы серьёзно оставили куртку книгам, а сами ехали вот так? — Марина Олеговна ткнула пальцем в тёмный от воды рукав футболки и покачала головой. — У вас там что, клятва книжного рыцаря?

— Клятва курьера звучит скучнее: сухое принято — сухое передано, — я протянул ей мешок. — Куртка внутри осталась сухой, а я сейчас надену её и согреюсь. Тканевую упаковку с пятнами пришлось бы менять уже вам и Игорю Аркадьевичу.

— Ну знаете, — она развязала мешок и поочерёдно коснулась трёх сухих обложек, переложённых тонкой бумагой. — Я заказываю продукты каждую неделю, но ещё ни разу не видела, чтобы человек заранее спрятал сухую куртку к книгам, а потом приехал мокрый сам. Обычно наоборот: пакет на плечо, куртку застегнуть до подбородка и бегом.

— Мне важно, чтобы то, что я взялся довести, доехало в том виде, в каком мне его вручили, — сказал я, доставая листок для подписи. — Здесь распишитесь, пожалуйста, и я поеду дальше сохнуть по дороге.

Она расписалась, всё ещё поглядывая на меня с той же тёплой растерянностью, а затем полезла в карман домашних брюк за телефоном.

— Подождите секунду, — Марина Олеговна уже разбло-

кировала телефон и дважды промахнулась большим пальцем по нужному значку. — Напишу Игорю Аркадьевичу сейчас, пока гости не увели голову в другую сторону. Обычно курьер из агрегатора оставляет пакет и исчезает. Пусть Игорь знает, кто сегодня приехал вместе с дождём и сухими книгами.

— Спасибо, — сказал я, чувствуя лёгкую неловкость от прямой похвалы, но не отказываясь от неё. — Хорошего вам праздника сегодня вечером.

— Спасибо вам, что довезли всё в порядке, несмотря на дождь, — сказала она, провожая меня к двери. — Может, ещё увидимся, если я снова у Игоря что-то закажу с доставкой.

Я надел сохранённую сухой куртку поверх мокрой футболки ещё в прихожей. Ткань сразу вернула телу часть тепла. Под уже редющим дождём я дошёл до велосипеда осторожно, обходя блестящие плитки у крыльца, и под козырьком проверил время: три десять. Все три адреса закрыты, все три подписи получены, до окончательного срока Марины Олеговны оставалось почти три часа.

«Три подписи, три комплекта, сухие страницы и целый угол, — подумал я, садясь на велосипед. Сухая куртка грела мокрую спину, а не лежала мокрой тряпкой рядом с книгами. — Ошибка с бирками поймана в магазине, дождь — до того, как добрался до груза. Вот такой стандарт можно повторять, а не вспоминать как удачу одного дня».

Дорога обратно до магазина заняла те же двадцать ми-

нут, но теперь дождь совсем стих, оставив после себя влажный, посвежевший воздух и лужи на асфальте, которые новая обувь пересекала увереннее старой, не позволяя ноге соскальзывать на мокром покрытии.

Игорь Аркадьевич встретил меня у входа в магазин, уже без прежней утренней спешки в движениях, а с тем спокойным вниманием человека,ждавшего результата.

— Все три доставлены, — сказал я, протягивая ему подписанные листы. — Сонечка получила подарок за два часа до перенесённого начала праздника — у них там всё изменилось в последний момент, хорошо, что я поехал к ней первой. Виктор Павлович лично осмотрел угол альбома, картон отработал полностью, ни царапины. Марине Олеговне я довёз книги сухими, несмотря на дождь, — пришлось укутать мешок собственной курткой по дороге.

— Собственной курткой, — повторил Игорь Аркадьевич, приподнимая брови и просматривая подписанные листы один за другим. — Она мне уже написала, кстати, буквально десять минут назад — очень тёплое сообщение, редкость по нынешним временам.

Он снял на телефон лицевую и обратную стороны каждой карточки, проверил, что на снимках читаются имя, подпись и время, и сохранил три копии в магазинной папке заказа. Оригиналы сложил в прозрачный файл и вернул мне через прилавок.

— Мне остаются копии для истории трёх комплектов, —

Игорь Аркадьевич застегнул свою папку. — А эти оригиналы сдайте Оксане лично. Она ведёт расчёт и хранит карточку исполнителя, значит, последний бумажный держатель — она.

— До её стойки файл едет у меня в сухом отделении, — я убрал оригиналы отдельно от влажной куртки. — Ни одна фотография их по дороге не заменяет.

— Ещё одна деталь для следующей карточки, — я постукал ручкой по времени Сонечки. — Праздник перенесли с пяти на четыре, магазин об этом не предупредили. Если бы маршрут шёл по порядку списка, подарок мог приехать после первых гостей.

— Учту на будущее — буду сразу уточнять у заказчиков, не изменились ли планы в день доставки, — сказал Игорь Аркадьевич, сохраняя три читаемых снимка в отдельную папку телефона. — Вы, я гляжу, не просто развозите, а реально держите в голове весь список целиком, а не только свой конкретный адрес.

— Дверь — только география, — я развернул к нему три строки с фактическим временем. — Цель была успеть к ребёнку, сохранить угол коллекционеру и оставить сухие книги юбилярше. Вот её и надо довозить.

Игорь Аркадьевич увеличил на экране три карточки по очереди, сверил подписи с именами и только затем открыл банковское приложение. Денежный ящик остался закрытым. Он выбрал сохранённого получателя «Оксана — доставка»,

показал мне сумму и назначение платежа.

— Три тысячи рублей, весь оборот сегодняшнего книжного маршрута, — его палец остановился над кнопкой подтверждения. — Стоимость книг сюда не входит, её покупатели внесли раньше. Отправляю Оксане, как договорились.

— Отправляйте. Я вижу одну сумму и один путь денег.

Он подтвердил перевод. На экране появилась квитанция: три тысячи, воскресенье, магазин «Листок». Игорь Аркадьевич переслал её Оксане при мне, затем убрал телефон, так и не открыв денежный ящик.

— Теперь ваше вознаграждение выдаст она после этих трёх подписей, — он провёл пальцем по трём снимкам на экране. — А у меня к вам ещё предложение. Каждое воскресенье набирается два-три адреса: подарочные комплекты, коллекционные издания, иногда редкая книга в единственном экземпляре. Стёпа учится и свободен через раз. Я хочу провести пробный месяц с вами — через Оксану, по её карточке, как с назначенным поставщиком курьерской услуги. Моим работником вы от этого не становитесь.

— Тогда и оформляем только через неё, — я поставил тетрадь ребром на прилавок. — На каждое воскресенье отдельная согласованная карточка: два или три адреса, состав комплектов, окна и цена до выезда. Вы подтверждаете груз, Оксана назначает исполнителя, я подтверждаю конкретную неделю после проверки своего графика и состояния тела. Месячное намерение не даёт никому права обещать мои но-

ги вслепую.

— Сурово вы с собственными ногами договариваетесь, — Игорь Аркадьевич снял очки и протёр их краем жилета. — Но справедливо. Позвоним Оксане сейчас, чтобы потом каждый не пересказывал разговор по-своему?

Он включил громкую связь. Оксана ответила не сразу; в трубке звякнула дверь диспетчерской, потом её голос лёг на прилавок вместе с уличным шумом.

— Перевод вижу: три тысячи от «Листка», — она щёлкнула клавишами. — Подписанные карточки у вас?

— Три читаемые копии у меня, оригиналы уже у Льва и поедут к вам, — Игорь Аркадьевич провёл ногтем по строкам Сонечки, Виктора Павловича и Марины Олеговны на экране. — Хочу на пробный месяц воскресный пакет: два-три адреса в неделю, Лев — предпочтительный исполнитель, если свободен.

— Записываю именно так, — Оксана повторила медленнее, чтобы оба услышали каждую границу. — Пробный месяц, воскресенья, два или три адреса по отдельной карточке каждой недели. Магазин заранее даёт груз, окна и оборот. Лев подтверждает доступность после своего графика и самочувствия. После подтверждения я назначаю его исполнителем. Сегодняшний заказ остаётся отдельной пробной доставкой и будущие недели автоматически не открывает.

— Меня устраивает, — Игорь Аркадьевич сразу оставил попытку назвать следующий воскресный срок готовым фак-

том. — По цене буду считать каждый пакет заранее. Независимый магазин живёт аккуратно: красивых обещаний дать могу много, а оплачивать надо рублями.

— Мне нужна согласованная цена без хвостов, — я застегнул тетрадь. — Дождь, лестницы и количество адресов видны до выезда. Если вводные меняются, меняется карточка до того, как груз садится в бокс. Скрытых доплат после вручения не прошу и скрытого объёма в коробке не принимаю.

— Вот за это и хочу продолжить, — хозяин магазина вернул очки на цепочку. — Вы торгуетесь до работы, а во время работы уже бережёте книгу.

Оксана велела мне заехать к ней лично с номером перевода; только у её стойки подписанные карточки и деньги могли сойтись в одну выплату. Перед уходом Игорь Аркадьевич достал с нижней полки обувную коробку. Я проверил завязанный пакет со старой парой, закрыл крышку и вернул коробку в уже пустой после книжного маршрута термобокс. Затем попрощался и поехал не домой, а в диспетчерскую. После дождя асфальт блестел обманчиворовно. На лужах новая подошва держалась увереннее, однако на мокрой плитке возле перехода я всё равно спешился и провёл велосипед за руль: купленная обувь улучшала опору, а голову с должности не увольняла.

Оксана уже ждала с открытым банковским уведомлением. Я вынул прозрачный файл и положил перед ней три оригинала.

нала — Сонечки, Виктора Павловича и Марины Олеговны. Она сравнила их с присланными Игорем Аркадьевичем копиями, сверила подписи и время, затем убрала оригиналы под зажим своей воскресной ведомости. Только после физического возврата карточек перевела взгляд на деньги.

## Глава 5



— Перевод Игоря Аркадьевича пришёл одной строкой: ровно три тысячи, — Оксана развернула экран ко мне и ткнула в квитанцию «Листка». — В расчёт беру эту одну сумму. Моя комиссия триста, тебе сейчас выдаю две тысячи семьсот наличными.

Она отсчитала две тысячи, ещё семьсот, подвинула ведомость. Я пересчитал ровно эти деньги, расписался напротив воскресного книжного маршрута и убрал купюры к рабочей

кассе. После выплаты там стало четырнадцать тысяч девяносто восемь рублей: одиннадцать тысяч триста девяносто восемь после обуви плюс две тысячи семьсот от Оксаны. Бытовой конверт в тысячу двести остался внутри общей суммы.

— И вот карточка на следующие воскресенья, — Оксана повернула ко мне новый лист, оставляя строку ближайшей недели пустой. — Пробный месяц у «Листка». Два или три адреса, отдельное согласование каждую неделю. Пока Игорь не прислал состав и цену, а ты не подтвердил график и тело, назначения нет. Ты оказываешь курьерскую услугу через мою диспетчерскую; распоряжаться твоими другими маршрутами магазин не может.

— Тогда карточка честная, — я прочитал условия до последней строки и вернул лист ей. — Сегодняшние три адреса остаются сегодняшними. В следующее воскресенье начинаем с нового подтверждения, если начинаем вообще.

Когда Оксана убрала карточку в папку между действующим цветочным договором Алины Сергеевны и отдельными офисными рейсами, внутри один раз обозначился новый рубеж: провести пять повторных маршрутов для двух независимых постоянных клиентов — Алины Сергеевны и магазина «Листок» — без повреждения груза, отмены по моей вине и скрытых доплат сверх заранее согласованной цены. Сегодняшняя доставка «Листка» была пробной и задним числом в счёт не вошла. Старт — 0 из 5.

За этим рубежом открывался только будущий доступ к

проверке обычного раздельного термобокса для горячего и холодного. Само оборудование оставалось будущей земной покупкой после выполненной работы; воскресным вечером у меня были нынешний бокс и только что открытая задача.

— Опять считаешь что-то без калькулятора? — Оксана щёлкнула пальцами у моего носа. — Если придумал четвёртую работу на сегодня, я тебя сама привяжу к велосипеду и отправлю домой.

— Сегодня остались чай, еда и сухие носки, — я задвинул стул к стойке и поднялся. Колени отозвались накопленной тяжестью, сразу подтвердив правильность списка. — А две деловые связи пусть спокойно доживут до своих следующих карточек.

Оксана уже потянулась закрыть папку, но остановилась и вынула из заднего кармана два листа с подписями.

— И прежде чем уйдёшь, заberi копии двух дополнений, — она положила листы рядом, не смешивая их с воскресной карточкой «Листка». — Виктор Аркадьевич и Константин Павлович расширили свои офисные заказы с завтрашнего понедельника на каждый будний день. У Виктора остаются двенадцать обедов, у Константина — шестнадцать; окна и цена одного выпуска прежние. Это подписанное изменение к прежнему графику среды и пятницы, а не молчаливое растягивание договора.

— Валентина ежедневный объём подтвердила? — я придержал оба листа пальцем, читая даты начала и две разные

подписи.

— Сегодня днём, после сверки тары и людей, — Оксана подвинула кухонную отметку. — Изменение числа принимаю до девяти утра, потом кухня готовит ровно подтверждённый список. Ты держишь две клиентские карточки и общий стандарт, Артём получает собственное назначение и свою ставку за шестнадцать. Сергей Николаевич в эти дополнения не входит: его постоянный рейс у Ромы остаётся по понедельникам, средам и пятницам.

— Тогда понедельник существует на бумаге, — я убрал копии в сухой отдел чехла. — Две мои офисные карточки, отдельный Артём и отдельный Рома. Во вторник и четверг Сергей появится только по отдельно подтверждённой внеплановой карточке, а не по привычке заполнять пустую строку.

— Вот теперь можешь идти за чаем, — Оксана захлопнула папку и махнула мне на дверь. — Утром сверишь не память, а новые карточки.

У ларька по дороге домой я купил горячий чай и еду на двести пятьдесят рублей. Продавец принял купюру, пробил чек и отсчитал сдачу. После этого физического расхода в кассе осталось тринадцать тысяч восемьсот сорок восемь рублей, включая прежние тысячу двести бытового резерва. Чай я выпил под навесом, а пакет с едой повесил на чистый передний крючок руля: закрытая коробка с грязной запасной обувью ехала отдельно в заднем боксе.

Дома я поставил велосипед у стены, снял куртку, успевшую набрать влагу изнутри от мокрой футболки, и расправил её на спинке стула. Книг рядом давно не было: сухой защитный слой выполнил свою работу и вернулся к обычной жизни одежды. Прежде чем сесть за стол, я опустился на пол у стены и вытянул ноги, позволяя телу разобрать накопленную за день усталость.

Несколько минут я сидел так, слушая собственное тело: тупую, устоявшуюся тяжесть в голених, лёгкое жжение в глазах от долгой сосредоточенности на дороге и более спокойную правую пятку. Новая обувь не стёрла боль, накопленную за прежние дни, но за сегодняшний маршрут не добавила свежей натёртости. Я переоделся в сухое, разогрел купленную у ларька еду и съел её медленно, запивая домашней водой.

Достав тетрадь, я разложил на столе все сегодняшние цифры по порядку, тем же методом, каким подводил итог каждого предыдущего дня.

«Утренняя касса — шестнадцать тысяч сто восемьдесят восемь, внутри неё тысяча двести бытового резерва, — записал я, проговаривая цифры вслух для верности. — Кроссовки — минус четыре тысячи семьсот девяносто. Остаток после покупки — одиннадцать тысяч триста девяносто восемь. Заработок за доставку книжного магазина — плюс две тысячи семьсот чистыми. Еда — минус двести пятьдесят. Итог дня — тринадцать тысяч восемьсот сорок восемь руб-

лей, внутри них по-прежнему тысяча двести неприкосновенного бытового резерва».

Я отложил ручку, поднялся, подошёл к окну и посмотрел на новую обувь, аккуратно составленную парой у двери рядом со старыми кроссовками, всё ещё лежавшими в пакете, — не выброшенными, а просто отправленными в резерв до того дня, когда понадобится грязная бытовая обувь для двора или ремонта.

«Взрослая покупка на собственные деньги, — подумал я, глядя на новую пару. — Вещь найдена, проверена руками, оплачена трудом и теперь обязана доказать цену обычными рабочими днями. Рядом с ней появилась новая деловая связь: маленький магазин, которому важны его книги и получатели».

Я сделал вечернюю растяжку тем же порядком, что и всегда, — крем на плечо, свежий пластырь на пятку, хотя сегодня необходимость в нём чувствовалась заметно меньше обычного, медленные наклоны к голеним с долгой задержкой на каждой ноге.

Перед тем как лечь, я открыл календарь на понедельник. В девять утра мы с Артёмом должны были выйти каждый на свою назначенную офисную партию; карточки и кухни Оксана пришлёт перед стартом. Роме предстоял первый постоянный рейс к офису Сергея Николаевича — самостоятельно, за полторы тысячи рублей за рейс через отдельную ведомость Оксаны. Ни один из этих понедельничных грузов ещё не был

принят: воскресный вечер только готовил людей, документы и будильники.

Я поставил будильник с запасом, положил у двери сухие носки и проверил, что чек с гарантией на «Скетчерс Арч Фит» лежит в тетради, а не в коробке рядом с грязными подошвами. Карточка «Листка» ждала следующего отдельно-го согласования у Оксаны; сегодняшняя удача не назначала меня туда автоматически.

Я ещё раз перебрал день по порядку. Кроссовки куплены на свои деньги и прошли лестницу, сухой магазинный пол и осторожную мокрую дорогу. Три чужих подарка доехали целыми, хотя бирки пытались поменять адресатов, а дождь — добраться до тканевого мешка. Игорь Аркадьевич увидел не случайного человека с велосипедом, а назначенного исполнителя, который сверяет карточку до выезда; я увидел клиента, готового заранее назвать объём и цену. Открытый рубеж просто закрепил цену повторяемости, но первый повтор ещё ждал будущей недели.

«Завтра сначала офис, — подумал я, чувствуя, как сон подступает мягко. — У каждого свой лист, свой груз и своя выплата за рейс. А воскресенье останется воскресеньем, пока мы не договоримся о нём заново».

Усталость дня — покупки, доставки под дождём, разговора с человеком, для которого каждая книга значит больше, чем просто товар, — улеглась в теле не тяжестью подвига, а спокойной, честно заработанной тяжестью человека, кото-

рый прожил день по своим собственным правилам: не гнаться за четвёртым лишним адресом ради красивой цифры, беречь то, что доверили чужие руки, и строить репутацию не обещаниями, а повторяемыми делами.

Понедельник разбудил меня раньше будильника — тело само вытолкнуло сознание из сна где-то на границе шести утра, тем же способом, каким когда-то будило меня предчувствие важной сделки задолго до звонка секретаря.

«Доклад, — потребовал я у себя, ещё не разлепив глаз, привычно проходясь вниманием по каждому участку тела сверху вниз. — Четыре дня подряд, три смены, воскресный дождь. Не ври мне про свежесть, у меня нет времени слушать бравурные сводки от собственных голеней».

Голени ответили не резкой болью, а плотной, тягучей усталостью, будто мышца успела законсервировать в себе всю прошлую неделю и не спешила её раздавать. Правая пятка под свежим пластырем отозвалась глухим, почти забытым нытьём — заметно тише субботнего, но и не тишиной полного покоя. Кисти сжались в кулак с той же лёгкой скованностью, что и вчера утром, будто суставы всё ещё вспоминали, каково это — держать руль двенадцать часов подряд.

Я сел на край матраса, упёрся ладонями в колени и вслух, тем же тоном, каким когда-то открывал утренние летучки, сказал в пустую комнату:

— Тело, у нас понедельник. Не праздничный воскресный маршрут с одной сумкой, а рабочая неделя с двумя офисны-

ми адресами, чужим рейсом Ромы и, если Алина Сергеевна позвонит, ещё и цветами. Я не прошу подвига. Я прошу ровно того, что ты умеешь: держаться до вечера, докладывать честно и не подводить меня на лестнице.

Тело не ответило словами — оно ответило тем же тянущим гулом в голенях, который я слышал уже неделю и научился отличать от настоящей тревоги. Настоящая тревога была другой: острой, внезапной, требующей немедленной остановки. Эта была старой знакомой, с которой я уже вёл переговоры четыре дня подряд и знал её условия наизусть.

Я поднялся, сделал растяжку — на голенях задержался дольше обычного, чувствуя, как каждое сухожилие нехотя отпускает вчерашнюю дорогу под дождём, — и только затем подошёл к двери, где новая пара стояла ровно там, где я её оставил вечером: графитовые «Скетчерс», носками к стене, рядом со старыми, всё ещё запакованными в пакет и ждущими своего часа для грязной дворовой работы.

Я сел на табурет и обулся не спеша, проверяя каждую шнуровку пальцами, как проверял бы её в магазине на глазах у Димы. Пятка легла в чашу плотно, без того знакомого сдвига назад, что был в старых кроссовках. Я встал, качнулся с носка на пятку, прошёлся до окна и обратно.

«Посадка держит, — отметил я, глядя на собственные ступни. — Это не магия и не система, это просто правильно подобранная колодка. Она не лечит четыре дня усталости и не отменяет вчерашний дождь в мышцах. Она просто не

добавляет к этому ничего нового, и на сегодня этого достаточно».

Пока остывала овсянка, я собрал у двери два термобокса и проверил перегородки. Позавтракал уже без остановок у окна, выпил воду и сразу открыл тетрадь.

Достал тетрадь. Вчерашняя последняя строка стояла ровно там, где я её оставил: тринадцать тысяч восемьсот сорок восемь рублей общей кассы, внутри неё тысяча двести бытового резерва.

«Понедельник начинается с этой суммы, — сказал я вслух, проведя пальцем по цифре тем же движением, что и каждое утро последних дней. — Сегодня в неё войдут мои две с половиной тысячи за проданный и собранный офисный сервис, если Виктор и Константин снова примут еду без нареканий. Артём и Рома получают каждый по своей ведомости у Оксаны; к моей кассе их ставки отношения не имеют. Может прибавиться первый повтор Алины Сергеевны. А может не прибавиться ничего сверх офиса, и это тоже честный результат дня, а не провал».

Перед выездом я прокрутил педаль и проверил натяжение цепи. Затем открыл оба приготовленных с вечера термобокса, надавил на внутренние перегородки и осмотрел ремни: после дождя пряжки оставались сырыми, но металл и кожаные накладки выдержали.

Когда я застёгивал куртку, позвонила Оксана.

**Г**

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.